

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ФРГ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОСОБЕННОСТИ И ИТОГИ

Аннотация

Целью настоящей статьи является определение ключевых особенностей секьюритизации отношений с Россией в политическом дискурсе ФРГ с момента начала специальной военной операции РФ на Украине. В целях ответа на исследовательский вопрос изучаются основные положения теории секьюритизации и формулируется методология исследования. Затем проводится дискурс-анализ отобранных источников, позволяющий выявить элементы «грамматики безопасности» в речах первых лиц ФРГ и иных релевантных документах. Анализ эмпирической стороны германской политики позволяет полноценно ответить на исследовательский вопрос и, в частности, обозначить практическое влияние рассматриваемых интерсубъективных процессов и выдвинуть гипотезы о перспективах внешнеполитической линии ФРГ по отношению к России.

Ключевые слова: российско-германские отношения, внешняя политика Германии, секьюритизация, дискурс-анализ, политика безопасности ФРГ, украинский кризис.

Автор

Субботин Илья Александрович

Студент факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург, Россия

Введение

С обострением украинского кризиса в феврале 2022 г. произошло радикальное переосмысление германской политики по отношению к РФ, сопровождавшееся принятием ряда недружественных и беспрецедентных мер, а также последовательным конструированием «российской угрозы» в политическом дискурсе ФРГ. При этом оба измерения — практическое и дискурсивное — тесно взаимосвязаны, и интерсубъективные процессы оказывают непосредственное влияние на содержание и приоритеты германской политики. Сложившаяся ситуация требует детального теоретического рассмотрения, причем классическая теория секьюритизации, сформулированная еще в 1990-х гг. Оле Вэвером, предлагает убедительные инструменты для анализа нынешнего курса ФРГ.

Цель настоящего исследования: определить ключевые особенности секьюритизации отношений с Россией в политическом дискурсе ФРГ на современном этапе (24.02.2022 г. — настоящее время).

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить ключевые положения теории секьюритизации;
2. Провести дискурс-анализ источниковой базы исследования;
3. Рассмотреть основные внутри- и внешнеполитические шаги ФРГ, предпринятые в контексте обострения украинского кризиса.

Актуальность работы состоит в рассмотрении процесса формирования политики ФРГ в условиях украинского кризиса под конкретным теоретическим углом, что позволяет не только убедительно объяснить нынешний

германский курс, но и выдвинуть гипотезы о его дальнейшем развитии. Данные заключения представляют как научную, так и практическую ценность и могут быть учтены при реализации российской внешней политики.

Научная новизна работы обусловлена прежде всего выбором теоретико-методологических рамок. При всей своей популярности, теория секьюритизации еще не была полноценно применена в рамках исследований германской внешнеполитической линии на российском направлении с 2022 г.

Обозначение самих российско-германских отношений, а не конкретных действий России как объекта секьюритизации основывается на понимании отношений как сферы, в которой совершаются конкретные политические шаги. Исследуемый дискурс неизменно включает обоих акторов: и Россию с ее внешней политикой, со стороны которой постулируется угроза, и Германию, безопасность которой выставляется угрожаемой и ради защиты которой принимаются чрезвычайные меры.

Теория секьюритизации

Основные положения теории секьюритизации (далее — ТС) изложены в работе «Безопасность: новые рамки анализа» 1998 г. за авторством представителей т.н. Копенгагенской школы теории международных отношений [6]. Ключевым в ТС является понимание безопасности не как объективного состояния, состоящего в полном отсутствии реальных угроз, а как политической практики, происходящей в дискурсивных рамках.

ТС постулирует, что перевод определенного вопроса в разряд острых проблем безопасности осуществляется путем интерсубъективного установления экзистенциальной угрозы референтному объекту (определенному значимому благу), сопровождающегося формированием дискурсивной платформы для

принятия срочных и чрезвычайных мер ради борьбы с угрозой, что в совокупности и называется секьюритизацией [6, с. 25]. Важно подчеркнуть, что секьюритизация означает вывод проблемы за рамки «нормальной политики» в сферу «панической политики», где она имеет абсолютный приоритет и где легитимизуются такие средства для борьбы с ней, к которым невозможно было бы прибегнуть в рамках обычного политического процесса. В связи с этим авторы ТС выступают за десекуритизацию, то есть сознательный и последовательный отказ воспринимать определенную проблему в категориях угроз и мер по борьбе с ними [6, с. 29].

Секьюритизация является результатом успешного акта секьюритизации, т.е. попытки актора секьюритизации добиться от аудитории признания определенного вопроса острой проблемой безопасности. И акт секьюритизации, и сама секьюритизация имеют три общих и обязательных элемента, образующих т.н. грамматику безопасности: 1) констатация экзистенциальной угрозы, 2) формулирование референтного объекта и 3) чрезвычайные меры (их требование/одобрение и принятие соответственно). Исследование секьюритизации тем самым означает прежде всего исследование дискурса (выявление отличительных черт «грамматики безопасности»), поскольку О. Вэвер рассматривает акт секьюритизации, согласно теории английского лингвиста Дж. Остина, как перформативный, т.е. несущий в себе совершение действия, речевой акт [6, с. 26].

Методология нашего исследования основывается в первую очередь на дискурс-анализе отобранных источников. Опираясь на критерии Лене Хансен (в источниках происходит явное конструирование идентичности и политики, к ним приковано внимание широких политических кругов и они артикулируются с позиций формальной власти) [13, с. 85], мы выделили три основные

группы источников для анализа: 1) официальные документы доктринального характера (Стратегия национальной безопасности и Руководящие принципы оборонной политики 2023 г.), 2) выступления (заявления, речи) первых политических лиц (канцлера, членов правительства и др.) и 3) парламентские протоколы и иные документы (проекты резолюций, запросы и др.), в которых отражаются политические дискуссии в целом. При этом, поскольку очертить точные границы такой выборки по большей части проблематично, использовалась индуктивная интерпретативная методология, состоящая в отказе от заранее заданных ориентиров в отношении количества источников [3, с. 198].

Выбранная методика дискурс-анализа соответствует концепции Э. Лаклау и Ш. Муффа, согласно которой он понимается как «установление отношений между означающими», артикуляция (наполнение содержанием) которых происходит при помощи так называемых узловых пунктов [14, с. 112–113]. Применительно к дискурсу безопасности «узловым пунктом» можно считать референтный объект, вокруг которого определяется конкретный смысл угроз, мер по противодействию им и других элементов, характерных для секьюритизации. Соответственно, секьюритизацию отношений с Россией в германском дискурсе уместно понимать именно как артикуляционную практику, особенности которой и стоят в центре исследования.

Наконец, поскольку мы определили принятие чрезвычайных мер в качестве одного из индикаторов полноценной секьюритизации, был изучен ряд материалов, в которых отражена необходимая фактология — прежде всего, исследовательская литература и публикации германских СМИ. Данный этап является завершающим: систематизировав результаты дискурс-анализа и полученные эмпирические данные,

удастся ответить на исследовательский вопрос.

Референтный объект и экзистенциальная угроза

Спустя 3 дня после начала специальной военной операции (далее — СВО), 27 февраля, Олаф Шольц выступил с внеочередным правительственным заявлением в бундестаге [24]. Данное заявление можно считать «эталонным» актом секьюритизации в силу его соответствия всем необходимым критериям, включая постулирование экзистенциальной угрозы референтному объекту.

В полной драматизма речи канцлер объявил о «перемене эпох» (*Zeitenwende*) в истории европейского континента, поскольку, начав «наступательную войну» на Украине, Россия «разрушает европейский порядок безопасности» (*Europäische Sicherheitsordnung*). Именно этот «порядок» и является узловым референтным объектом, прослеживаемым и в других высказываниях ключевых политических лиц ФРГ.

Важно прояснить, в чем конкретно состоит воспринимаемая угроза, и с чем ассоциируется «европейский порядок безопасности». Так, для германского канцлера он основывается прежде всего на принципах Хельсинского заключительного акта 1975 г. (нерушимость границ и уважение суверенитета всех государств), в то время как «наступательная война» в Европе якобы однозначно их нарушает и означает попытку президента РФ «отмотать время назад до эпохи великих держав 19 века». Соответственно, фундаментальным вызовом для Германии является вопрос о том, «может ли сила сломить право».

Анализ дальнейших высказываний О. Шольца позволяет конкретизировать содержание «российской угрозы». Так, «жестокое нападение на Украину» означает не только попытку «провести

новые границы силой», но и возврат «завоевательных войн», «неоимпериализма», «ревизионизма» и борьбы за «сферы влияния» в Европу [21]. Грубо говоря, речь идет о тяжелом прошлом европейского континента, которое может стать новой реальностью и вытеснить «европейский порядок безопасности». В целом, отличительной чертой политического дискурса ФРГ после 24 февраля 2022 г. стала радикализация «российской угрозы», а именно конструирование германским руководством из нее полной антитезы германским и общеевропейским ценностям. Прочно укоренилось представление украинского кризиса как своего рода борьбы добра со злом, где нет места промежуточным мнениям. Подобная искусственная дилемма последовательно постулировалась: к примеру, в речи 27 февраля Бербок подчеркивала, что Германия стоит перед выбором между «войной и миром», «агрессором с одной стороны и детьми, прячущимися в туннелях метро, с другой» [20]. Рассуждая в Пражской речи от 29 августа 2022 г. о будущем «идеи Европы» и европейском суверенитете, Шольц призвал Европу «сплотить ряды», поскольку «Путин будет использовать каждую размолвку между нами, каждую слабость» [21]. Немецкий журналист Михаэль Людгерс обоснованно отмечает, что в немецком обществе с 2022 г. сложилась своеобразная «эхо-камера», в которой есть только одно ретранслируемое правильное мнение [15, с. 247].

Интересно, что референтный объект, стоящий на кону, формулируется не так однозначно. Во-первых, помимо «европейского порядка безопасности», О. Шольц постепенно стал употреблять и «европейский мирный порядок» (*Europäische Friedensordnung*) [23], однако эти понятия употребляются в качестве взаимозаменяемых. Во-вторых, данные понятия ассоциируются не только с «хельсинкским» принципом

нерушимости границ, но и с самой «идеей Европы» и европейскими «ценностями» — свободой, демократией, верховенством права и, наконец, миром [21]. В-третьих, со временем в оборот стал вводиться еще один, более широкий референтный объект — «международный порядок, основанный на правилах» (*Regelbasierte internationale Ordnung*).

Наиболее заметно это в статье О. Шольца, опубликованной в *Foreign Affairs* в декабре 2022 г., где действия России представлялись в большей степени как атака на «основополагающие принципы ООН» и «основанный на правилах миропорядок» [7]. В высказываниях главы германского МИД также заметно схожее смещение акцентов, причем, в отличие от О. Шольца, оно имело место сразу после начала СВО. А. Бербок уже 27 февраля 2022 г. заявила о том, что на кону стоит именно «основанный на правилах миропорядок» [20], а в дальнейшем стала употреблять оба рассмотренных референтных объекта в паре. Под этим «порядком» при этом подразумевается все та же комбинация принципов и ценностей, что и в случае «европейского порядка», с тем отличием, что акцент в большей степени делается на основополагающих нормах международного права, закрепленных в Уставе ООН, а также на «демократическом мире» и «международном сообществе» (в практическом отношении речь идет о «коллективном Западе») [18, с. 1372].

В Стратегии национальной безопасности ФРГ 2023 г. парный секьюритизационный дискурс был закреплен: Россия стала считаться «самой большой угрозой миру и безопасности в евроатлантическом пространстве» в силу одновременно «нарушения международного права» (в контексте тождественно «основанному на правилах порядку») и «европейского порядка безопасности» [17, с. 11]. Идентичный посыл в том же году был закреплен

и в Руководящих принципах оборонной политики [26, с. 9]. Важно отметить, что связь между двумя ключевыми референтными объектами имеет взаимодополняющий, а не конфликтный характер: «европейский порядок безопасности» является в германском дискурсе своеобразным ядром «основанного на правилах миропорядка», а следовательно, его нарушение воспринимается особенно болезненно и неизбежно помещается в более широкий контекст.

Чрезвычайные меры

Успешность акта секьюритизации 27 февраля 2022 г., конечно, состояла в требовании и принятии немедленных мер, которые выходили за рамки нормального политического процесса и в дальнейшем были одобрены аудиторией.

В упомянутом выступлении федеральный канцлер представил срочные решения правительства, направленные на борьбу с последствиями кризиса и защиту «европейского порядка безопасности» во что бы то ни стало. Во-первых, была подчеркнута необходимость всеобъемлющей помощи Украине, включая поставки вооружений, что означало отказ от главного принципа политики ФРГ в области экспорта вооружений (запрет на поставки оружия в зону вооруженного конфликта двух государств) [19, с. 7]. В дальнейшем германское руководство признавало, что этот шаг был сделан в нарушение действовавших правил, но позиционировало это как необходимую меру [7]. Во-вторых, в отношении России был сформулирован беспрецедентный по масштабам санкционный курс, включавший резкое сокращение сотрудничества с РФ и массу рестриктивных мер. В целом, постулировалась необходимость максимально возможного давления на Россию с целью изменить ее курс. В-третьих, в целях «обеспечения энергетической безопасности»

предусматривалась расконсервация ряда угольных электростанций и ускоренное строительство терминалов для импорта сжиженного газа.

Наконец, отсылая к недостаточной боеготовности бундесвера и необходимости его скорейшей модернизации, федеральный канцлер заявил об учреждении ради этого т.н. особого фонда суммой в 100 млрд евро. Примечательно, что и «особый фонд» был принят в обход законодательства, так что О. Шольц обратился ко всем парламентским фракциям с просьбой «закрепить «особый фонд» в Основном законе [Конституции]».

И действительно, на последовавших парламентских дебатах кризисный курс О. Шольца был поддержан всеми ключевыми политическими силами, включая «народную» ХДС/ХСС, находящуюся в оппозиции [18]. Вплоть до настоящего времени, несмотря на ряд разногласий коалиции с ХДС/ХСС, сохраняется условный консенсус в отношении борьбы с «российской угрозой». Исключением являются лишь две партии — «Левая» и «Альтернатива для Германии» (с 2024 г. еще и «Союз Сары Вагенкнехт»), однако они не могут повлиять на принимаемые «светофорной коалицией» решения, и требования об отмене санкций [10] или прекращении поставок вооружений Киеву [9] не выходят дальше стен парламента. Таким образом, уже в конце февраля 2022 г. была сформирована политическая платформа для легитимации чрезвычайных шагов.

Важно подчеркнуть, что все упомянутые меры — немислимые в рамках обычного политического процесса (т.е. вне секьюритизации) — были успешно реализованы: в частности, в июне 2022 г. были внесены поправки в Основной закон, постфактум легализовавшие «особый фонд» [4]. Что касается экономического давления, на данный момент принято уже 13 пакетов санкций ЕС в отношении России, и санк-

ционный маховик еще очень далек от остановки, несмотря на негативные последствия для самого европейского хозяйства. Германское правительство также незаконно национализировало активы ряда российских корпораций (к примеру, Gazprom Germania и НПЗ Роснефти в Шведе) [1, с. 38]. Отход от сдержанной политики в области поставок вооружений привел к тому, что с начала СВО по 22.05.2024 Германия уже предоставила Киеву оружие и технику из хранилищ Бундесвера на сумму 5,2 млрд евро [8].

Секьюритизация «российской угрозы» легитимизовала и другие исключительные шаги — например, принятие сотен тысяч беженцев из Украины в рамках впервые активированной «Директивы о временной защите» ЕС, или же продление срока эксплуатации трех АЭС, изначально планировавшихся к закрытию. Одним из последних знаковых сюжетов является бюджетный кризис осени 2023 г., приведший к решению «светофорной коалиции» о временной приостановке «долгового тормоза» в 2023 г. [5]. Важно отметить, что многие антикризисные меры германского руководства сопровождались проворным изменением законодательства.

В обозначенных доктринальных документах 2023 г. курс федерального правительства по адаптации к кризисной ситуации и борьбу с возникшей угрозой был подтвержден. Одобрялось резкое сокращение энергетической зависимости ФРГ от РФ [17, с. 5], ускоренная модернизация бундесвера [26, с. 30–31] и повышение вклада ФРГ в коллективную оборону НАТО [26, с. 6]. Вопрос скорости принятия антикризисных решений в принципе стал одним из ключевых в германском дискурсе, что довольно хорошо иллюстрируют слова Шольца на выступлении в Праге в августе 2022 г.: «Когда, если не сейчас? Кто, если не мы? <...> Речь идет о нашем будущем, которое зовется Европой» [21].

Конечно, о полном единстве в позициях ключевых политических сил ФРГ говорить не приходится. Однако разногласия в стенах парламента касаются по большей части конкретного наполнения кризисной политики ФРГ, но не самих ее основ. Одним из таких спорных вопросов стал масштаб военной помощи Киеву: оппозиционная ХДС/ХСС с весны 2022 г. стабильно требует поставок все более тяжелых вооружений (в последнее время — ракет Taugus) [16], в то время как коалиция занимает менее «ястребиную» позицию. В любом случае, анализ двух проектов парламентских резолюций (коалиции [11] и ХДС/ХСС [12] соответственно), выдвинутых на голосование в феврале 2024 г., показывает, что обозначенные расхождения имеют сугубо косметическую природу. В обоих документах явно констатируется угроза со стороны России и необходимость дальнейшего ужесточения наращивания поставок вооружений Украине, включая дальнобойные системы; проект ХДС/ХСС отличается лишь более конкретным требованием — поставить Киеву ракеты Taugus, что формально не исключается и коалиционными партиями, чья резолюция и была в итоге принята.

На момент лета 2024 г. отношения с Россией остаются однозначно секьюритизированными. «Реальность» угрозы «европейскому мирному порядку», требующая решительной поддержки Украины и усиления собственной обороноспособности, пусть и с издержками для других отраслей экономики, была подчеркнута канцлером на последней Мюнхенской конференции: «Без безопасности не будет ничего другого» [22]. На полях конференции было подписано и двустороннее соглашение с Украиной по вопросам безопасности [25]; наконец, военная поддержка Киева со стороны ФРГ в 2024 г. увеличится почти в два раза по сравнению с прошлым годом и составит более 7 млрд евро [22].

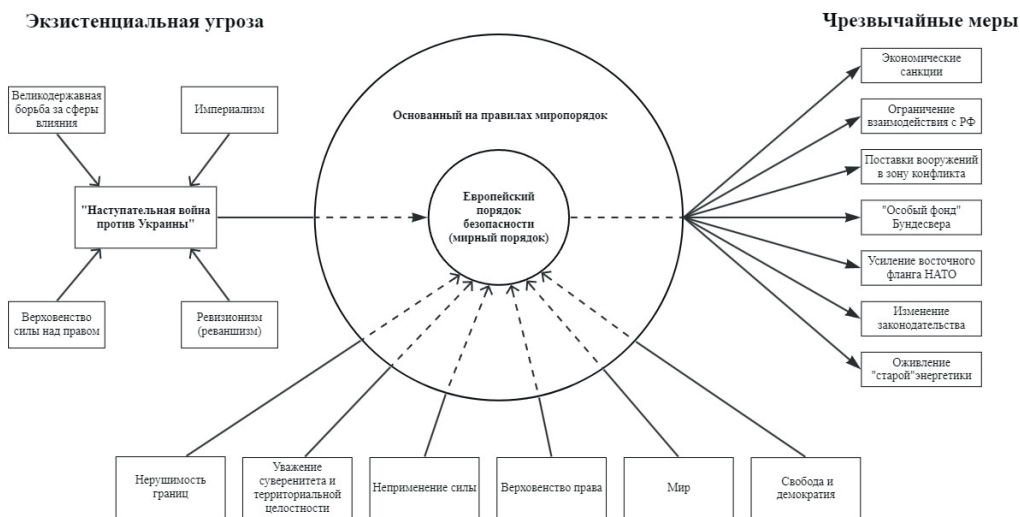

Рисунок. Секьюритизация отношений с Россией в политическом дискурсе ФРГ на современном этапе

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, с начала спецоперации и по настоящее время отношения с Россией (и ее действия на Украине как конкретная угроза) по всем критериям остаются секьюритизированным в политическом дискурсе ФРГ. Другими словами, события на Украине имеют абсолютный приоритет в политике ФРГ и легитимируют шаги, выходящие за рамки нормальных политических процедур: выделение средств в обход бюджетных правил ради модернизации армии, слом «табу» в области поставок вооружений и др. Немецкий исследователь Мартин Венгелер обоснованно видит в современном политическом дискурсе Германии прямое выражение мобилизационной «военной риторики», типичные черты которой во многом не изменились со времен Вильгельма II и его воинственных речей [27].

Во-вторых, примечателен характер референтного объекта — речь идет о кластере политических принципов, норм и ценностей, выраженных в «европейском порядке безопасности» как ядре «основанного на правилах

миропорядка», нарушение которых воспринимается в ФРГ как переход «красной черты». Именно такой взгляд на германскую политику объясняет, почему СВО, не угрожая суверенитету самой ФРГ, существованию германского государства в традиционном (военном) смысле, переносится в разряд острых проблем безопасности и предопределяет беспрецедентные и враждебные шаги по отношению к России. Действия России воспринимаются как возврат к особенно болезненному для немцев прошлому европейского континента. Складывается примечательная ситуация, когда в лице России фактически секьюритизируется прошлое самой Германии, а борьба с «угрозой» сводится к защите не своего государства как такового, а настоящего Европы от ее прошлого.

Подчеркнем, что на современном этапе политический дискурс ФРГ не является монолитным: имеет место «ядро» (позиции «светофорной коалиции» и, в целом, ХДС/ХСС), позволяющее говорить об относительном консенсусе в вопросе противодействия «российской угрозе», а также маргинальная «периферия» («Альтернатива для Германии», «Левая

партия» и «Союз Сары Вагенкнехт»), выступающая против секьюритизации отношений с Россией. Тем не менее это ничуть не позволяет оспаривать факт секьюритизации и говорить о существовании «контр-дискурсов». Успешная секьюритизация отношений с Россией совершенно не исключает наличия иных взглядов в рамках одного дискурса: достаточно, чтобы доминировала соответствующая система означающих и их артикуляции (в случае данного исследования — «грамматика безопасности» с референтным объектом как «узловым пунктом»), определяющая наполнение германской политики.

Полученные в рамках исследования результаты возможно представить в виде схемы-модели (см. рисунок). В качестве «чрезвычайных мер» указаны только реализованные шаги.

Итоги секьюритизации отношений с Россией на момент весны 2024 г. огромны: рассмотренные интересующие процессы практически

образом влияют как на внутреннюю, так и на внешнюю политику ФРГ, что необходимо учитывать при реализации внешнеполитического курса РФ. Взаимодействие между Россией и ФРГ «пробивает одно дно за другим» [2], и Берлин предпринимает немыслимые для нормальной политики меры, существенным образом отягчающие восстановление российско-германских отношений и ведущие к фактической ремилитаризации германского государства. Как видится, в обозримом будущем десекуритизации ожидать не стоит — «российская угроза» слишком прочно закрепилась в германском дискурсе, и едва ли имеется быстрый и легкий путь назад.

В то же время проведенное исследование также показывает актуальность теории секьюритизации, которая может способствовать уверенному объяснению не только нынешней германской политики, но и многих аспектов современных международных отношений в целом.

Литература

1. Белов В.Б., Котов А.В. Антироссийская санкционная политика ФРГ: промежуточные итоги и ответные меры // Аналитические записки Института Европы РАН. — 2022. — Вып. 4, № 27. — С. 37–42.
2. Белов В.Б. Отношения России и Германии: пробивая одно дно за другим // РСМД. — 06.09.2023. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/3Auyal> (дата обращения: 05.03.2024).
3. Морозов В.Е. Россия и другие. Идентичность и границы политического сообщества. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 656 с.
4. Bundestag beschließt das Sondervermögen für die Bundeswehr // Deutscher Bundestag. — 03.06.2022. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/392L6P> (дата обращения: 24.05.2024).
5. Bundestag setzt Schuldenbremse für 2023 aus und beschließt Nachtragshaushalt // Tagespiegel. — 2023. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/3AU7vk> (дата обращения: 27.05.2024).
6. Buzan B., Waever O, Wilde J de. Security: a new framework for analysis. — London: Lynne Rienner Publishers, 1998. — 239 p.
7. Die globale Zeitenwende // Die Bundesregierung. — 05.12.2022. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/392KPk> (дата обращения: 24.05.2024).
8. Diese Waffen und militärische Ausrüstung liefert Deutschland an die Ukraine // Die Bundesregierung. — 22.05.2024. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/3AuyVg> (дата обращения: 24.05.2024).
9. Drucksache 20/5819 // Deutscher Bundestag. — 28.02.2023. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/3AuyNc> (дата обращения: 27.05.2024).
10. Drucksache 20/8744 // Deutscher Bundestag. — 10.10.2023. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/3AuyKp> (дата обращения: 27.05.2024).

11. Drucksache 20/10375 // Deutscher Bundestag. — 20.02.2024. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/3Auyhk> (дата обращения: 27.05.2024).
12. Drucksache 20/10379 // Deutscher Bundestag. — 20.02.2024. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/3Auyko> (дата обращения: 27.05.2024).
13. Hansen L. Security as Practice. Discourse Analysis and the Bosnian War. — Abingdon: Routledge, 2006. — 239 p.
14. Laclau E. Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. — 2nd Edition. — London: Verso, 2001. — 198 p.
15. Lüders M. Moral über alles? Warum sich Werte und nationale Interessen selten vertagen. — 2. Auflage. — München: Wilhelm Goldmann Verlag, 2023. — 256 S.
16. Merz wirft Scholz Spiel mit Kriegsängsten vor // Tagesschau. — 14.03.2024. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/3AU8D2> (дата обращения: 27.05.2024).
17. Nationale Sicherheitsstrategie // Bundesministerium der Verteidigung. — 14.06.2023. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/38sLMU> (дата обращения: 24.05.2024).
18. Plenarprotokoll 20/19 // Deutscher Bundestag. — 27.02.2022. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/3Auy4J> (дата обращения: 27.05.2024).
19. Politische Grundsätze der Bundesregierung für den Export von Kriegswaffen und sonstigen Rüstungsgütern // Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz. — 2019. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Downloads/P-R/politische-grundsaeetze-fuer-den-export-von-kriegswaffen-und-sonstigen-ruestungsguetern.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (дата обращения: 27.05.2024).
20. Rede von Annalena Baerbock // Bündnis 90 / Die Grünen. — 27.02.2022. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/3AuxqX> (дата обращения: 27.05.2024).
21. Rede von Bundeskanzler Scholz an der Karls-Universität am 29. August 2022 in Prag // Die Bundesregierung. — 29.08.2022. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/392K4z> (дата обращения: 24.05.2024).
22. Rede von Bundeskanzler Scholz bei der Münchner Sicherheitskonferenz am 17. Februar 2024 in München // Die Bundesregierung. — 17.02.2024. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/3AU8UM> (дата обращения: 27.05.2024).
23. Regierungserklärung vom 08.02.2023 // SPD. — 08.02.2023. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/392KEt> (дата обращения: 24.05.2024).
24. Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27. Februar 2022 // Die Bundesregierung. — 27.02.2022. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/392JxF> (дата обращения: 24.05.2024).
25. Vereinbarung über Sicherheitszusammenarbeit und langfristige Unterstützung zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Ukraine // Die Bundesregierung. — 16.02.2024. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/3Auytb> (дата обращения: 27.05.2024).
26. Verteidigungspolitische Richtlinien 2023 // Bundesministerium der Verteidigung. — 09.11.2023. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/3AU8as> (дата обращения: 27.05.2024).
27. Wengeler M. Reden über den Krieg // Bundeszentrale für politische Bildung. — 06.03.2023. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://clck.ru/3AU8cd> (дата обращения: 27.05.2024).